

УДК [811.16+811.111]’23’366.5’367.3

ГРЫГЕЛЬ Марцин,кандидат филологических наук, адъюнкт Жешувского университета; Жешув, Польша;
e-mail: mgrygiel@poczta.fm; тел.: (0048) 692 003 242

АФФИРМАЦИЯ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. В данной статье сделана попытка сформулировать теорию универсального языкового явления, определяемого в лингвистической литературе как «аффирмация». В польских источниках это явление определяется также как *twierdzenie* (утверждение), например, в таких терминах как *zdanie twierdzące* (утвердительное предложение) или *partykuła twierdząca* (утвердительная частица). Вопрос аффирмации рассматривался главным образом при исследовании языкового явления отрицания, которое в большей степени привлекало внимание лингвистов. Задачей нашего исследования является использование аналитических инструментов, выработанных когнитивной лингвистикой, для описания и анализа явления аффирмации в славянских языках и в английском языке, а также указание, что утверждение (аффирмация) может рассматриваться как грамматическая категория с систематизированной структурой.

Ключевые слова: аффирмация, подтверждение, отрицание, когнитивная лингвистика, славянские языки, грамматические категории.

Целью данной статьи является презентация результатов и краткое представление произведённого впервые исследования лексикально-грамматической категории аффирмации в пределах её семантической структуры с использованием методик когнитивного языкознания на материале сербского и некоторых других славянских языков, а также языка английского.

Синтез наших исследований представлен в монографии «The Semantics of Affirmation: Serbian, Other Slavic Languages and English in Cognitive Analysis», где сделана попытка найти ответ на вопрос о том, что представляет собой явление, определяемое в языкознании как «аффирмация». Можно сделать вывод, что явление это нельзя точно обозначить в отрыве от системы, образующей категорию полярности (polarity) [3]. Одна из задач данной работы — показать, что аффирмация — это категория с релятивной определённостью (relative markedness). Следовательно, её значение зависит от расстановки отношений, в которых координаты являются изменчивыми. Определение аффирмации зависит также от того, какие иные понятия принимаются во внимание, каким образом очерчивается сфера их действия и какова их взаимозависимость. Дополнительным подтверждением этого является факт субъективного и недискретного характера семантических категорий, а следовательно, только лишь частичного совмещения понятий. Проблема эта хорошо известна в когнитивном языкознании [см., напр.: 6, с. 107–151]. Но с другой стороны, главным связующим звеном этой категории являются, на наш взгляд, собственно функции аффирмации, а не её форма.

В своём исследовании мы предлагаем рабочее определение аффирмации как позитивного формирования предложения. Аффирмация противопоставлена негации. Такого типа соотношение можно усмотреть, например, в предложении *I do respect each and every opponent*, которое является аффирмативно усиленным, но по содержанию соответствует предложению *I respect my opponents*. Этот процесс можно назвать *позитивной поляризацией* (positive polarization). Следующие части анализа представляют возможность наблюдать аффирмацию с различных точек зрения. Это позволяет расширить и углубить предложенную исходную дефиницию.

Объективность требует утверждения того факта, что представленные способы языковой реализации данного явления имеют в значительной мере селективный характер и концентрируются только на избранных его аспектах. Мы преднамеренно не касаемся более подробного анализа аффирмации на уровне лексическом или прагматическом (в традиционном понимании этого термина), поскольку главной областью нашего исследования является предикат и аффирмация предложения.

Определение аффирмации как языковой категории, обладающей как формой, так и содержанием, имеет свои истоки в конструктивистской грамматике, где язык представляется как сеть взаимосвязанных формально-символических структур, соединяющих различные уровни его организации. Мы уделяем внимание также когнитивной гипотезе, согласно которой грамматические категории выражают мотивированные пространственные отношения. В предложенной модели *расстояния* сделана попытка установить зависимость аффирмации от системы отношений и взаимодействующих внутри системы ценностных значений.

Аффирмация — трудно определяемое, проблематичное и многоуровневое явление, которое зачастую проявляется только в плане функциональном [7, с. 24–26]. Поэтому обращение к когнитивному языкознанию, признающему особую роль значения и широко понимаемой семантики в формировании грамматических категорий, представляется здесь в высшей степени обоснованным. Для лучшего понимания существа аффирмации, которая основана на системе контрастных отношений, используется модель *расстояния*. Цель такой модели — образное представление утверждения о том, что окружающие нас явления мы концептуализируем в форме системы поляризованных ценностей, которые исходно имеют вид пространственных отношений. В этом случае оппозиция *близко / далеко* может рассматриваться как прототип иных биполярных ценностей, таких как *конкретность / абстрактность, добро / зло, я / ты, правда / ложь*, и, в конечном итоге, *аффирмация / негация*. Этот тео-

реческий конструкт показывает, что идентификация «маркёров аффирмации» на языковом уровне зависит от конкретной конфигурации ценности в границах модели *расстояния*. Это значит, что определённые «маркёры аффирмации» выполняют данную функцию только в определённом контексте. Как и лексические категории (по природе своей полисемичные и с изменчивым значением), аффирмация — явление динамическое. Этим объясняется тот факт, что конструкции, признаваемые в качестве «маркёров аффирмации», могут одновременно выступать в отрицательных (негативных) контекстах, где чаще всего функционируют как «маркёры ассерции».

Подобно явлению негации, аффирмация является понятием многоуровневым, которое невозможно ограничить выражением утверждения, апробации или позитивной ассерции. Аффирмация — это явление логическое, семантическое, лексическое и грамматическое. Часто считают, что аффирмация, в противоположность негации, не имеет универсального маркёра, ассоциирующегося с этой функцией, а самой распространённой схемой обозначения аффирмации в языке признаётся наличие оппозиции по отношению к негации через сам факт отсутствия негатора [2, с. 131–152]. Тем не менее, оказывается, что в языке существует множество способов придания высказыванию аффирмативного характера. Одной из задач исследования и является локализация, систематизация и определение мотивирующих значений аффирмации.

Аффирмация представляется обычно категорией неопределённой, проявляющейся в формальном плане отсутствием негатора. В каждом языке существуют грамматические, лексические или прагматические механизмы, позволяющие подчеркнуть или интенсифицировать позитивный характер данного высказывания. С этой точки зрения аффирмацию, а в особенности мощную аффирмацию, можно трактовать как разновидность модальности. Она не изменяет основного содержания высказывания, но её применение позволяет погрузить события в прагматический контекст, где говорящий убеждает в возникновении или существующей реальности данного положения вещей. Следовательно, объём аффирмативной модальности частично покрывается с ассерцией, понимаемой как соответствие фактическому состоянию, но проявление и семантические структуры аффирмации являются более широкими и более развитыми. С другой стороны, аффирмативная модальность ограничивается только утвердительными высказываниями, в то время как ассерция охватывает предложения утвердительные и отрицательные.

Мы считаем, что аффирмация — категория грамматическая, обладающая однако множеством черт, характерных для лексических категорий. Наличие у этой категории степеней сравнения позволяет выделять слабую и сильную аффирмацию, а также ценности промежуточные. Аффирмация полисемична, так как мотивирована рядом значений, образующих семантическую сеть. Все способы репрезентации явления аффирмации в языке, по нашему мнению, следует признавать видами модальности. В нашей монографии основное внимание уделено грамматическим проявлениям аффирмации, выступающим как в области глагола, так и в рамках группы номинальной (имеются в виду квантификаторы, союз «и», творительный падеж, вспомогательные глаголы, энклитические формы) [3].

На первом этапе анализа нашей целью было ближайшее рассмотрение группы слов, определяемых в языкознании как квантификаторы, и изучение их воздействия на аффирмативное определение предиката [1, с. 82–99]. Анализ позволил предположить, что хотя квантификаторам не единожды можно приписать конкретную числовую ценность, но в языке они функционируют чаще всего как показатели предикативной модальности, которые придают предложению значение «полноты» или же подтверждают факт осуществления происшедшего. Так, добавляя определение типа *все* или *один*, говорящий зачастую не намеревается конкретизировать количество участников события, а скорее информирует о факте осуществления события либо о потенциальной возможности его реализации, подчёркивая его аффирмативный характер. Напр.: *Wszystko się udało vs. Udało się* (*Всё удалось vs. Удалось*). Как первое, так и второе предложение может быть употреблено по отношению к единичному случаю. Различие заключается лишь в степени подчёркнутости аффирмативного значения, то есть усиления / эмфазы. Сравните: *Wszystko się udało / Wszystko jest OK. Zdałem egzamin vs. Udało się / Jest OK. Zdałem egzamin*.

Подобное наблюдаем при функционировании союза «и», который своим отнесением к значению «инклюзия / включение» выполняет функцию, аналогичную той, которая осуществляется с помощью квантификаторов со значением *все* и *один*. Напр., в сербском: *On sam i kopa, i ore, i kuva, i pere* — ‘He himself digs, and ploughs, and cooks, and washes’ (*всё*), в русском *ну ты и эгоист!* ‘You are really an egoist’ (*один* такой).

Типично синтаксическим способом реализации аффирмации можно считать «аффирмативную модальность», в частности, так называемое «аффирмативное наклонение». Анализ собранного фактографического материала позволяет утверждать, что сербский язык располагает синтаксическими средствами выражения аффирмативной модальности. Заменяя краткие формы вспомогательных глаголов их полными соответствиями, говорящий придаёт высказыванию дополнительное значение, которое соответствует мощной аффирмации, напр.: *on jeste dobar igrač, mi jesmo ga tako našli, ta kuća hoće da se sruši*. Подобные аффирмативные конструкции имеются также в болгарском языке: *tja e sledvala v Sofija vs. tja sledvala v Sofija*; русском: *он (есть) учитель vs. Он учитель* и в английском: *she does live in London, he did go to Brighton, I am your friend* [5, с. 134–168].

Важное значение для понимания функционирования языковой категории аффирмации имеет утверждение о том, что анализ синтаксических маркёров аффирмации становится возможным благодаря наблюдению их в плане исторического развития. Здесь использовались результаты исследования грамматикализации и описания исторического развития вспомогательных глаголов. В нашей концепции

выдвинут не принимаемый во внимание до настоящего времени постулат, согласно которому важнейшим условием, ведущим к возникновению вспомогательных глаголов и их дальнейшей эволюции, является необходимость выражения аффирмации. Возникает это из желания говорящего более сильно подчеркнуть позитивный характер высказывания и сопоставить его с противоположным мнением собеседника. Этот постулат могут проиллюстрировать примеры развития вспомогательных глаголов в сербском и английском языках, где сформировались сильные и слабые формы вспомогательных глаголов. Постулат поддерживается фактом, что на дальнейшем этапе развития слабые формы трансформируются в энклитические конструкции, а в конечном итоге превращаются во флективные форманты. На каждом этапе развития этого процесса выражение аффирмации с помощью глагольных форм становится всё слабее.

Не только союз «и», но также предлог «с» обладает значением «инклюзии / включения». Синтетическим соответствием предлога «с» в славянских языках является творительный падеж. Именно функция конъюнкции предопределяет его роль («маркера аффирмации»). Анализ фактического материала приводит к выводу о том, что имманентные значения аффирмативного творительного падежа изображаются на схеме воображаемой ёмкости и её метафорических расширений в виде *полной ёмкости, сложения / соединения и бытия*. В отличие от него часто выражающий негацию родительный падеж в своей семантической структуре использует ту же самую воображаемую схему ёмкости, но в противоположном виде *пустой ёмкости, вычитания / разделения и небытия*. Идентификация семантической структуры творительного падежа позволяет понять его аффирмативный характер, особенно бросающийся в глаза при сопоставлении с выражающим частичность, дизъюнкцию и негацию родительным падежом, напр.: *torta s orasima — torta bez oraha*. Аффирмативное значение, локализованное на уровне конструкции с творительным падежом, может, в свою очередь, использоваться для выражения аффирмации на уровне предложения, а следовательно, для создания конструкций предикативной аффирмации [4, с. 29–42].

Одновременно прослеживаются процессы создания аффирмативных конструкций, начиная от лексических источников и кончая наиболее абстрактными формальными конструкциями, где функция аффирмации сигнализируется только порядком слов. Здесь следует обратить внимание на выражение аффирмации с помощью энклитических конструкций и конструкций, возникших в результате наследования семантики «подобия» и трансферта её на всё более отдалённые от исходного значения группы слов.

Славянские языки и английский язык располагают также широким спектром лексических показателей аффирмативной модальности, которые обычно проявляют тенденцию к дальнейшей грамматикализации. В целях их систематизации и одновременного анализа аффирмативной семантической структуры нами была использована модель концептуальной метафоры. К выделенным концептуальным метафорам, описывающим функции аффирмативной модальности, принадлежат: *аффирмация бытие, аффирмация сложение / соединение, аффирмация комплектность, аффирмация неопределённость, аффирмация высшая степень, аффирмация подобие, аффирмация согласие*.

Исследование семантики аффирмации является очень важным по нескольким причинам. Прежде всего, оно способно помочь в поисках ответа на ряд наиболее общих вопросов, касающихся функционирования языка: что такое грамматика и каким образом возникают грамматические категории? Аффирмация, будучи очень общей, абстрактной и слабо грамматикализованной языковой категорией, является про-структурой, находящейся на высоком уровне в языковой иерархии. Как и другие языковые категории, аффирмация приобретает значение в зависимости от возникающей в нашем сознании концептуализации пространственных отношений и конфигураций в границах системы зависимостей, которую мы изображаем с помощью модели *расстояния*. Эта концептуализация имеет динамический характер, а внутри системы происходят такие когнитивные процессы: *метафоризация, концептуальная интеграция* и наиболее важная для выражения аффирмации *поляризация*. Наше исследование аффирмации приводит к выводу о том, что грамматические категории формируются теми же самыми когнитивными процессами, которые предопределяют наше видение пространства и делают возможной ментальную организацию окружающего нас мира.

Литература

1. Grygiel M. Kwantyfikacyjne i egzystencjalne wykładniki afirmacji na przykładzie języka serbskiego / M. Grygiel // Slavia Meridionalis. — Warszawa, 2010. — N 10. — P. 82–99.
2. Grygiel M. Способы выражения согласия в русском и сербском языках / M. Grygiel // Коммуникативные параметры текста. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2012. — С. 131–152.
3. Grygiel M. The Semantics of Affirmation / M. Grygiel. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2013. — 249 p.
4. Grygiel M. Выражение аффирмации с помощью творительного падежа / M. Grygiel // Коммуникативные аспекты грамматики и текста I. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2013. — С. 29–42.
5. Grygiel M. Affirmation as a type of modality: evidence from Serbian and English / M. Grygiel // Zeitschrift für Slawistik. — 2013. — N 2. — P. 134–168.
6. Langacker R. W. On the continuous debate about discreteness / R. W. Langacker // Cognitive Linguistics. — 2006. — N 17(1). — P. 107–151.
7. Lewandowska-Tomaszczyk B. Depth of Negation / B. Lewandowska-Tomaszczyk // A Cognitive Semantic Study. — Łódź, 1996. — P. 24–26.

References

1. Grygiel M. Kwantyfikacyjne i egzystencjalne wykładniki afirmacji na przykładzie języka serbskiego / M. Grygiel // Slavia Meridionalis. — Warszawa, 2010. — N 10. — P. 82–99.

2. Grygiel M. Sposoby wyrażenia zgody w językach rosyjskim i serbskim / M. Grygiel // *Kommunikativnye parametry teksta*. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2012. — С. 131–152.
3. Grygiel M. The Semantics of Affirmation / M. Grygiel. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2013. — 249 p.
4. Grygiel M. Wyrażenie afirmacji s pomossh'ju tvoritel'nogo padezha / M. Grygiel // *Kommunikativnye aspekty grammatyki i teksta I*. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2013. — S. 29–42.
5. Grygiel M. Affirmation as a type of modality: evidence from Serbian and English / M. Grygiel // *Zeitschrift für Slawistik*. — 2013. — N 2. — P. 134–168.
6. Langacker R. W. On the continuous debate about discreteness / R. W. Langacker // *Cognitive Linguistics*. — 2006. — N 17(1). — P. 107–151.
7. Lewandowska-Tomaszczyk B. Depth of Negation / B. Lewandowska-Tomaszczyk // *A Cognitive Semantic Study*. — Łódź, 1996. — P. 24–26.

ГРИГЕЛЬ Марцин,

кандидат філологічних наук, ад'юнкт Жешувського університету; Жешув, Польща;
e-mail: mgrygiel@poczta.fm; тел.: (0048) 692 003 242

АФІРМАЦІЯ ЯК ГРАМАТИЧНА КАТЕГОРІЯ

Анотація. У даній статті зроблено спробу сформулювати теорію універсального мовного явища, що визначається у лінгвістичній літературі як «афірмація». У польських джерелах це явище визначається також як *twierdzenie* (ствердження), наприклад, у таких термінах як *zdanie twierdzące* (стверджувальна пропозиція) або *partykuła twierdząca* (стверджувальна частка). Питання афірмації розглядається, головним чином, при дослідженні мовного явища заперечення, яке більшою мірою привертало увагу лінгвістів. Завданням нашого дослідження є використання аналітичних інструментів, вироблених когнітивною лінгвістикою, для опису та аналізу явища афірмації у слов'янських мовах і в англійській мові, а також вказівку, що афірмація може розглядатися як граматична категорія із систематизованою структурою.

Ключові слова: афірмація, стверджувальне речення, заперечне речення, когнітивна лінгвістика, слов'янські мови, граматичні категорії.

Marcin GRYGIEL,

PhD in Philological Sciences; Associate Professor of the Rzeszow University; Rzeszow, Poland;
e-mail: mgrygiel@poczta.fm; phone: (0048) 692 003 242

AFFIRMATION AS A GRAMMATICAL CATEGORY

Summary. The goal of the present paper is to try to put the universal linguistic phenomenon of affirmation into a theoretical framework and to view it as a grammatical category. In linguistics, affirmation is, presumably, most commonly understood as a positive counterpart of negation. Typically, the phenomenon of affirmation is mentioned only en passant when discussing other grammatical categories or properties. In the present paper affirmation is held to constitute a semantic category grounded in spatial relations. The author argues that the way we perceive space and linguistic categories can be represented by a cognitive mechanism visualized by means of the proposed DISTANCE model. The paper discusses theoretical aspects of affirmation and presents arguments for adopting a cognitive approach in the study of this linguistic category. Contrary to the traditional approaches, affirmation was defined not as a formal operator that changes the truth value of a proposition, but as a positive meaning configuration.

Key words: affirmation, affirmative sentence, negative sentence, cognitive linguistics, Slavic languages, grammatical categories.

Статтю отримано 9.04.2014 р.